

Н. В. Пивоварова

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛЕННЫЕ
И СКИТЫ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА***

В последнее время история старообрядчества в Новгородской губернии все чаще привлекает внимание исследователей.¹ Рассматриваются как исторические факторы, заложившие прочные основы для распространения старой веры на территории губернии, так и жизнь отдельных старообрядческих общин. Однако практически незатронутым остается вопрос об устройстве старообрядческих моленных, находившихся как в самом Новгороде, так и в уездных городах и селах. Материалы о домашних и скитских моленных сосредоточены не только в Государственном историческом архиве Новгородской области, но и в Российском государственном историческом архиве в Петербурге (в первую очередь в фондах Министерства внутренних дел и Святейшего Синода).

В 1853 г. чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел, статский советник Арсеньев был командирован в Новгородскую губернию для исполнения Высочайшего повеления о приведении в точную известность «современного состояния раскола».² Ему предписывалось собрать сведения о количестве «раскольников» в губернии, местах их проживания, сословной принадлежности, отлучках из мест жительства; обследовать скиты и моленные, в том числе вновь учрежденные; выяснить нравственное состояние староверов, принадлежность их к определенным «сектам»; расследовать деятельность лжеепископов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-00428а «Традиции и новации в старообрядческом изобразительном искусстве XVII–XIX вв.: К иконографии позднего русского иконописания».

¹ Из недавних работ, в первую очередь, следует назвать статью о. Александра (Панкратова) с обзором литературы, вышедшей за последние годы. *Панкратов А. В.* Великий Новгород и Новгородская земля в истории и культуре русского старообрядчества. К постановке проблемы // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 236–251. См также: Новгородское староверие. История, культура, традиции в прошлом и настоящем. Сб. ст. Великий Новгород; М., 2009.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480 а–480 б («По Высочайшему повелению о приведении в известность современного положения раскола в Новгородской губернии». 05.09.1853–22.03.1862). Ч. I–II.

и донести о личном составе «раскольнических обществ» и, наконец, рапортовать, «каковы последствия от принимавшихся доныне мер к духовно-нравственному действованию на раскольников». Начиная с 3 октября 1853 г., Арсеньев направлял министру рапорты с сообщениями о своих действиях, которые позволяют ныне составить ясное представление об истинных масштабах распространения старой веры в губернии. Значительное место в донесениях отводилось сведениям о старообрядческих моленных и скитах, в том числе об их внутреннем убранстве и о порядке совершения служб. Арсеньевым были упомянуты или кратко описаны 16 моленных по Крестецкому уезду, 7 по Валдайскому, 6 по Кирилловскому, 6 по Демянскому, 13 по Череповецкому, 14 по Новгородскому, 6 по Оханскому приказу Устюжского уезда, 8 по Тихвинскому, 2 по Старорусскому. Только по семи округам пахотных солдат Новгородской губернии (в бывшем уезде Старорусском и уездах Крестецком, Новгородском и Демянском) чиновник привел данные о 7000 староверах. Наибольшее распространение в губернии получило староверие федосеевского согласия (федосеевские скиты находились в Старой Руссе, в деревне Бор и в Тихвине); наименьшее – поповский толк староверия, привившийся в г. Валдае.

Самым «неблагонадежным» уездом Новгородской губернии считался Крестецкий, рапорты о котором занимают многие страницы архивных дел. В середине XIX в. моленные имелись не только в г. Крестцах (две из них, принадлежавшие Федору Михееву и Логину Иванову, были хорошо известны правительству), но и в уездных деревнях: Дубках, Горке, Дворище, Б. Жабницах, Ерыньи, Шутиловичах, Соломенке, Пристанях, Березке, Пырицах, Добрости, Подоле, Талыжне, Старкове.³ Оказывая давление на наставников, власти активно насаждали единоверие, что в определенной мере возымело действие. Уже 6 декабря 1854 г. в Крестцах был освящен единоверческий храм во имя св. Никиты Новгородского.⁴

Постепенный закат Крестецкой Ямской слободы как центра староверия беспоповского толка начинается в 1846 г., после большого пожара 25 марта, уничтожившего федосеевскую моленную, наставником которой являлся крестецкий мещанин Логин Иванов.⁵ В эту моленную, устроенную с давних пор в доме ямщика Алексея Алексеява Рыбичева, собиралось множество староверов, что было связано с непререкаемым авторитетом ее наставника. Уже в 1847 г. крестецкие беспоповцы – купцы, мещане и ямщики – стали собирать подписку о присоединении к единоверию.⁶ Однако массовое присоединение началось лишь после

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480 б. л. 19-20.

⁴ Там же. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 34 («По донесению начальника Новгородской губернии о раскольничьем наставнике Логине Иванове, обратившемся к Святой Церкви. Здесь же о присоединившихся к единоверию крестецких раскольниках и об устройстве единоверческой церкви в Крестцах». 01.04.1854-10.12.1856).

⁵ Там же. Ф. 1284. Оп. 202 (1847). Д. 227 («По донесению начальника Новгородской губернии о сгоревшей в Крестецкой слободе раскольнической моленной». 09.11.1847-14.09.1850).

⁶ Там же. Ф. 1284. Оп. 203 (1848). Д. 125 («По отношению обер-прокурора Св. Синода о раскольниках г. Крестец, Новгородской губернии и посада Сольца и других деревень Псковской губернии, изъявивших желание присоединиться к единоверию. Тут же о ко-

того, как заключенный в Крестецкий острог и сломленный непрерывными увещаниями наставник Логин Иванов согласился принять единоверие.⁷

Архивные материалы, связанные с пожаром в крестецкой моленной и устройством в Крестцах единоверческой церкви, дают представление о составе икон, находившихся у староверов. Из огня был вынесен 181 образ. В описи им, учиненной крестецким городничим Свечинским, уездным стряпчим Цветковым и помощником новгородского окружного начальника Алексеевым 4 апреля 1846 г., значились образа, принадлежавшие как ямщикам Рыбичевым, так и прихожанам моленной – Степану Семенову, Михаилу Калясину, Федору Тимофееву Каменскому, Парасковье Липилиной и многим другим. В основной массе это были пядничные иконы, размером 7 × 6 вершков, традиционных изводов и сюжетов: образы Спасителя, Божией Матери, праздников и отдельных святых. Как полагалось по законодательству, в 1849 г. иконы были отправлены для рассмотрения в Новгородскую духовную консисторию. Пять из них духовное начальство признало противными учению православной церкви и подлежащими отправке в Министерство внутренних дел. К числу запрещенных к употреблению эксперты отнесли два образа Богоматери – «Боголюбской» и «Горы Нерукосечной», иконы Никиты великомученика, Максима Грека и образ «Чистая душа». 15 сентября 1850 г. конфикат был доставлен в МВД и сдан в «архив раскольничьих вещей».⁸ Остальные иконы возвратили владельцам, а затем перенесли в единоверческую церковь.

В январе 1855 г. в крестецкую единоверческую церковь были переданы иконы из второй городской моленной, принадлежавшей наставнику Федору Михееву.⁹ Моленная была устроена в 1803 г., после бывшего в Крестцах пожара, дядей Федора Михеева, наставником Яковом Михайловым Маковским.¹⁰ Михеев исправлял должность наставника с 1836 г.: до 1846 г. – в деревне Дубках, а после пожара в моленной Рыбичевых – в Крестцах. Согласно записке, «учиненной в Новгородской палате уголовного суда», моленная в его доме заключала в себе много

мандировании по сказанному предмету ст. советника Корнилова и об устройстве единоверческих церквей в Псковской губернии». 13.06.1848–09.12.1856).

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 34. Л. 1. Логин Иванов, осужденный за «распространение раскола», 3 августа 1853 г. был приговорен к ссылке в Закавказский край. Томся в Крестецком остроге, он подвергся тщательным увещаниям, в результате которых согласился на единоверие. В 1854 г. вслед за его присоединением к единоверию примкнули 63 старообрядца, а затем счет пошел уже на сотни. Зная об авторитете Логина Иванова у старообрядцев, власти склонили его принять священство в крестецкой единоверческой церкви. В сане иеромонаха Леонтий (Логин) Иванов приступил к службам в конце 1854 г.

⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 202 (1847). Д. 227. Л. 30.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 714. Л. 11, 13 («По предложенному прошению крестьянина Крестецкой волости и слободы Афанасия Степанова Комиссарова о возвращении отобранных от его дяди Михеева книг и икон. 06.02.1870–02.07.1879).

¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 139 («По донесению начальника Новгородской губернии о моленной, находящейся в доме Крестецкого ямщика называемого раскольничьим наставником Федора Михеева, и о прикосновенных к нему делу мешанам». 22.01.1853–13.06.1859). В деле Михеев называется наставником фелоссевиц; в рапортах Арсеньева – филипповцем.

икон древнего писания и разной величины, несколько медных крестов, местных восковых свечей, «налой, покрытый шелковой материей, и при оном одно древнее Евангелие».¹¹ Согласно мнению Крестецкого уездного суда от 31 января 1849 г., дом Ф. Михеева подлежал перестройке на плановое место без права возобновления моленной. Апелляция, поданная владельцем, слегка притормозила дело. Однако 20 марта 1853 г. последовало заключение министра внутренних дел об обращении моленной в домашнее помещение и об отправке ее имущества на заключение Духовной консистории.¹² В результате рассмотрения икон и богослужебных принадлежностей духовным начальством 12 икон и медный крест с предстоящими были «признаны противными православию по неискусному письму и ветхости, а остальные могущими быть допущенными только в единоверческих церквях». 14 августа 1853 г. запрещенные к употреблению иконы и крест отправили в МВД.¹³ 30 августа того же года они были препровождены из МВД в Синод.¹⁴

Получив обратно «невредные вещи», в августе 1853 г. Ф. Михеев возобновил моленную. Результатом явилось его заключение в острог (4 ноября 1854 г.) и судебное решение (1855 г.) о ссылке в Закавказский край. Однако в 1856 г. по распоряжению Палаты уголовного суда он был освобожден из-под стражи и, вплоть до решения дела, отдан на поручительство в Новгород. Согласно рапорту Григория, митрополита Новгородского и Старорусского, от 7 августа 1857 г., Ф. Михеев продолжал разезжать по деревням и препятствовал присоединению раскольников к единоверию.¹⁵ В конце лета – начале осени того же года он скончался.¹⁶

Еще одна общественная моленная, принадлежавшая филипповцам, находилась в деревне Дубки в 38 верстах от г. Крестцы. Наставником ее состоял Абрам Иванов. Она была выстроена в середине деревни и имела своеобразное устройство, скрупулезно зафиксированное Арсеньевым. Молитвенный дом разделялся на четыре отдельные части: моленные праведных, суетных, нечистых, или женатых, и коридор. В первой из моленных, занимавшей большее, по сравнению с другими, помещение, вся задняя стена и часть боковых были уставлены иконами в несколько рядов (в количестве около 50) и медными крестами. Посреди комнаты стояли три аналоя с Псалтирью, Евангелием и крестом, а перед ними – высокие подсвечники.¹⁷ В отделениях суетных и женатых находилось лишь по две иконы, а к стенам были приставлены скамьи. Дубковская моленная относилась к числу богатых. Прихожанами ее яв-

¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 139. Л. 3 об.

¹² Там же. Л. 17 об.–18.

¹³ Ведомость иконам и кресту: Там же. Л. 27. В списке значатся иконы: «Господь Вседержитель с апостолами и пророками», «Воскресение Господне» (2 образа), «Страсти Господни», «Иоанн Богослов», «Св. Феодор», «София Премудрость Божия», «Испеление расслабленного Феодора Ярославского с детьми», «Отечество», «Знамение Пресвятой Богородицы», «Собор Пресвятой Богородицы на створцах», «Св. угодники».

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 79.

¹⁶ Там же. Л. 108 об.

¹⁷ Там же. Д. 480 а. Л. 25–25 об.

лялись жители 22 деревень Новгородского, Крестецкого и Демянского уездов.¹⁸

Значительное по объему материалов архивное дело РГИА сформировано из документов, касающихся федосеевского скита в государственном селении Бор Чудовской волости Новгородского уезда, уничтоженного правительством в 1860 г.¹⁹ Скит вел свое начало с 1809 г., когда по повелению Александра I было учреждено старообрядческое кладбище, а крестьянин деревни Бор Яков Романов устроил на нем часовню.²⁰ В 1816 г. моленная была перенесена в стоявший поблизости от кладбища дом крестьянина Боровского, где и находилась вплоть до 1860 г. После смерти владельца дом наследовала его дочь Мария Боровская; впоследствии он должен был отойти попечителю скита, тосненскому ямщику Алексею Гаврилову Корчагину.²¹ Скит имел вид монастыря, огороженного деревянным забором с воротами. На его территории, помимо дома с моленной и келий, находились хозяйственные строения – скотный двор, ледник, сарай, кладовая.²² Большое пространство занимал фруктовый сад, составлявший одну из статей дохода скитниц.²³

Центром обители являлась моленная, внутренность которой, по словам статского советника Арсеньева, была «не только чиста и благовидна, но даже роскошна».²⁴ Моленная представляла собой квадратную залу с прекрасным резным четырехрусным иконостасом. Перед древними иконами²⁵ висели огромные паникадила с толстыми восковыми свечами и множество лампад. Иконы и большие медные кресты располагались также в простенках между окнами.²⁶ Посреди моленной стояли аналои, покрытые пеленами. На одном из них лежало старинное Евангелие. По сторонам иконостаса помещались клиросы для певчих, в углах – большие подсвечники. По традиции моленная разделялась на две половины – мужскую и женскую. Аналогичную двухчастную структуру имели и хоры, устроенные в ее западной половине и сообщавшиеся с интерьером моленной особыми оконцами.²⁷

¹⁸ Там же. Л. 26.

¹⁹ Там же. Д. 484 («По отношению Преосвященного митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского о вновь найденном в Новгородском уезде в государственном селении Бор раскольническом женском ските. Тут же о псковском мещанине Григории Петрове, а также о солдатке Шумиловой и дочери ямщика Марии Боровской». 23.09.1853–07.09.1866).

²⁰ Скит находился в области, пограничной с Петербургской губернией, в 46 верстах от Новгорода, в 15 от Московского шоссе и в 5 от реки Волхов, в довольно глухой местности, окруженной болотами и лесом (Там же. Л. 2).

²¹ А. Г. Корчагин не только состоял попечителем Боровского скита, где постоянно проживали две его дочери, но и содержал моленную в г. Тосно. По словам чиновника Арсеньева, он был богат, весьма умен и до фанатизма предан расколу (Там же. Л. 4).

²² План строений см.: Там же. Л. 22 об.–23.

²³ Доходы получали также с продажи меда и с огородов, сдававшихся скитницам для обработки боровскими ямщиками. Скит имел 7 дойных коров и 60 кур (Там же. Л. 19).

²⁴ Там же. Л. 2 об.

²⁵ Из донесения Арсеньева в МВД известно о каких-то двух иконах, стоявших скитникам больших денег – до 12 тысяч рублей серебром (Там же. Л. 3 об.).

²⁶ Иконы, кресты и книги имелись и в каждой из келий (Там же. Л. 3 об.).

²⁷ Там же. Л. 162 об.–163, 277.

Скит пользовался неизменным уважением не только у федосеевцев, но и у православных.²⁸ На великие праздники бывали значительные стечения богомольцев из Новгородской, Петербургской и Олонецкой губерний, что приносило монастырю немалые доходы. За сбором пожертвований ездили в обе столицы, где центрами федосеевцев являлись Волковское и Преображенское кладбища. Сохранились сведения о скитском богослужении, продолжавшемся по 16 часов в сутки.²⁹ Чтение во время служб производил настоятель, в 1850-е гг. олонецкий старец Григорий Петров, а в его отсутствие – наставница Мария Боровская.³⁰

В первые годы существования в скиту проживало приблизительно 150 человек – около 50 мужчин и 100 женщин. Однако со временем число скитников и скитниц заметно уменьшилось. К 1853 г. остались 1 старец и 27 женщин, приписных к Новгородской и Петербургской губерниям. Заметное сокращение числа насельников представляло для власти возможность обратиться к скиту в единоверческую церковь или вовсе упразднить его. В 1854 г. к постоянному месту жительства в Петербург были высланы первые 12 скитниц, а в 1855 г., по окончании формального следствия о действиях Алексея Корчагина, запечатали и моленную. Власти ожидали малейшего повода для полного уничтожения скита. В 1857 г. он нашелся: в запечатанной моленной открыли следы богослужения,³¹ а в октябре того же года скончалась владелица дома и наставница моленной Мария Боровская. 21 апреля 1860 г. министр внутренних дел С. С. Ланской подал записку в Секретный совещательный кабинет по делам раскола: скит и раскольничье кладбище при нем подлежали уничтожению. К сентябрю 1860 г. правительственное решение было приведено в исполнение. Рассмотренные в Духовной консистории иконы Боровского скита передали в Крестецкую единоверческую церковь.³²

Наряду с беспоповскими моленными в Новгородской губернии существовали и моленные «по поповщине», хотя их число было не столь велико. Одна из крупнейших моленных принадлежала валдайскому купцу Ефиму Корыткову.³³ Она была устроена в деревянном двухэтажном доме, находившемся в совместном владении трех братьев Корытковых – Ивана, Петра и Ефима, выстроенном близ Валдайского озера, на Пятницкой улице.³⁴ Моленные комнаты располагались на двух этажах и были до отказа уставлены иконами, аналоями, подсвечниками и лам-

²⁸ Скитницы оказывали вспомоществование бедным семействам православного исповедания, за что были очень любимы (РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480а. Л. 3 об.).

²⁹ Там же. Л. 19 об.

³⁰ Там же. Л. 18 об.

³¹ Чиновники предполагали, что скитницы проникали в моленную через оконца хор, оставшиеся незапечатанными.

³² РГИА. Ф. 1284. Оп. 208 (1853). Д. 484. Л. 345.

³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 203 (1848). Д. 306 («По донесению военного губернатора города Новгорода и Новгородского гражданского губернатора о купеческом брате Ефиме Корыткове и девице лютеранского исповедания Августине Вильгельм, сужденных за вступление в брак по расколу, а первый и за исправление существующей в доме его раскольничьей моленной»). 21.02.1848–28.07.1949).

³⁴ Там же. Л. 19; Оп. 208. Д. 480 б. Л. 23.

падами. В одной из них имелись Евангелие, крест, паникадило и хоругви.³⁵ В 1848 г. в связи с перестройкой дома последовало распоряжение вид моленных уничтожить, а богослужебные принадлежности отправить на рассмотрение духовного начальства. «По двуперстию», «неискусному и грубому письму» конфискации и отправке в МВД подлежали 10 икон: два Казанских образа Божией Матери и две иконы Иоанна Предтечи, образы Ангела Хранителя с разными святыми, святой Параскевы, Петра, Модеста, Власия и Онуфрия, девяти мучеников Кизических,³⁶ Рождества Христова, Знамения с различными святыми, два медных Распятія, врезанных в доски, и три богослужебные книги.³⁷ Остальное имущество было возвращено владельцу.

В 1853 г., рапортуя о состоянии раскола в Валдайском уезде, статский советник Арсеньев доносил, что, несмотря на запрет, моленная Корыткова на Пятницкой улице продолжала действовать.³⁸ В теплой моленной на первом этаже иконостас остался нетронутым, но образа были вынесены. Та же картина открылась и при посещении холодной моленной во втором этаже, имевшей вид «совершенной церкви», с алтарем. Еще одна моленная была обнаружена Арсеньевым в каменном доме Корытковых на Троицкой площади, против собора.³⁹ «Между жилыми покоем, в углу, устроена моленная, действительно великолепная. Три стены снизу доверху покрыты богатыми образами, украшенными ризами, жемчугом и камнями. Они расположены в 5 или 6 рядов, некоторые значительной величины, перед ними – серебряные паникадила и лампы».⁴⁰ Среди комнат чиновник описал жертвенник с крестом, небольшое Евангелие, золотую чашу, покрытую пеленной, и кадьлицу. Позади жертвенника был установлен аналой со вторым Евангелием. Моленная охотно посещалась староверами, а ее владельцы, поддерживавшие тесные связи с Рогожским кладбищем и ржевскими поповцами, приглашали для служб тамошних священников.

Из описаний имущества моленных, содержащихся в документах, зачастую трудно уловить, идет ли речь об иконах древних, или об образах, написанных старообрядческими мастерами. Это не удивительно, поскольку эксперты от духовного ведомства, составлявшие рапорты о допустимости их богослужебного употребления, попросту не могли разбираться в данном вопросе. В этой связи показательны их заключения об иконографиях старинных икон, квалифицированных как «плоды раскольничьего мудрования». В то же время нельзя принимать на веру и утверждения о древности целых иконостасов, содержащиеся в некоторых документах, поскольку критерии для таких оценок могли быть самыми неожиданными. Действительно, в среде беспоповцев, особенно федосеевцев, предпочтение отдавалось иконам старинным, однако бы-

³⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 203 (1848). Д. 306. Л. 18 об.

³⁶ В деле они ошибочно названы «киевскими».

³⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 203 (1848). Д. 306. Л. 39. Иконы и кресты были приняты в архив раскольничьих вещей МВД 9 марта 1849 г.

³⁸ Там же. Оп. 208. Д. 480 б. Л. 23; Д. 480 а. Л. 28–29.

³⁹ Там же. Д. 480 б. Л. 23; Д. 480 а. Л. 29–29 об.

⁴⁰ Там же. Д. 480 а. Л. 29 об.

товали у них и иконы поморского письма, исполненные в Выговской старообрядческой пустыни или в других местах, в «поморском стиле». Интересно замечание, содержащееся в отчете Арсеньева о «расколе» в Старорусском уезде, не вполне верное по сути, зато важное для обозначенной темы: «Наставников Федосеевского толка Аввакума, Феодосия Косого, попа Логина, диакона Савватия и старцев Епифания и Дирса причисляют к лику святых; их изображения можно найти почти в каждом доме». ⁴¹ Понятно, что речь идет не о древних, а о новонаписанных иконах. Много икон нового письма было в часовнях поповцев. Нередко для убранства своих церквей они заказывали целые иконостасы. ⁴²

В подтверждение того, что в среде новгородских старообрядцев действительно бытовали «дораскольные» иконы, можно привести несколько фактов. Один из них – появление в частных собраниях XIX в., формировавшихся путем покупки икон через староверов, древних новгородских образов. Примером может служить собрание петербургского коллекционера Василия Александровича Прохорова (1818–1882), известное, главным образом, благодаря его древней новгородской части. ⁴³

Являясь заведующим Музеем христианских древностей Императорской Академии художеств (1861–1882), В. А. Прохоров совершал поездки по древнерусским городам, из которых не только привозил древности для музея, но и интенсивно пополнял собственное собрание. ⁴⁴ Оно хранилось в его квартире в доме портного Круца по 7 линии Васильевского острова, близ церкви святого Андрея Первозванного. В литературе вплоть до последней четверти XIX в. сведений о собрании Прохорова почти не встречается. Беглыми впечатлениями о коллекциях в 1863 г. поделился с читателями «Московских ведомостей» лишь известный историк и коллекционер М. П. Погодин: «Я отправился тотчас отыскивать издателя ⁴⁵ и нашел его на чердаке в доме портного Круца, на Васильевском острове, в 7 линии, на Большом проспекте, близ [церкви] св. Андрея. Комнаты завалены предметами древности, знакомыми мне и любезными: образа, кресты, церковные вещи, рисунки, свитки, лоскутки пергаменные» ⁴⁶

⁴¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480 б. Л. 58.

⁴² См., например: *Пивоварова Н. В.* К атрибуции комплекса икон 1815 г. из фондов Отдела древнерусского искусства Русского музея // Государственный Русский музей. Страницы истории отечественного искусства. XII–XX ввек. СПб., 2004. Вып. 10. С. 44–55.

⁴³ См. о В. А. Прохорове: *Стасов В. В.* Василий Александрович Прохоров // *Вестник изящных искусств.* 1885. Т. III. Вып. 4. С. 320–360; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX вст. М., 1986. С. 117–125, примеч. 104 на с. 303–304 (библиографический указатель работ о В. А. Прохорове); *Шалина И. А.* Василий Александрович Прохоров – ученый и коллекционер // *Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. 1703–1917.* СПб., 1995. С. 24–26.

⁴⁴ Эта практика имела печальные последствия для академического музея. В настоящее время, анализируя состав коллекции музея Академии художеств и личного собрания В. А. Прохорова, можно заключить, что все «сливки» были оставлены коллекционером у себя на дому.

⁴⁵ В. А. Прохоров являлся издателем иллюстрированного журнала «Христианские древности и археология», рецензией на который и являлась публикация М. П. Погодина.

⁴⁶ *Погодин М.* Несколько дней в Петербурге. Г. Прохоров и его издание // *Московские ведомости.* 2 августа 1863. № 168. С. 3. Цит. по: *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. С. 123.

Источники формирования собрания В. А. Прохорова остались бы неизвестными, если бы не архивные документы, проливающие свет на обстоятельства его поездок в Новгородскую губернию. Находясь по заданию Академии в одной из таких поездок, Прохоров был уличен в связях со старообрядцами, в результате чего был вынужден объясняться с академическим начальством.⁴⁷ Его путешествие в Старую Руссу в июне 1863 г.⁴⁸ наделало немало шума, а контакты с руководителем старорусской беспоповщины крестьянином Петром Яковлевым⁴⁹ вызвали большие подозрения относительно его благонадежности.

Интересно отметить, что переписка петербургского генерал-губернатора с министром внутренних дел, производившаяся в 1863 г., дает нам второе свидетельство о собрании В. А. Прохорова. Оно описано почти в тех же выражениях, что и у М. П. Погодина: «В квартире его на Васильевском Острове, по 7 линии, в доме Круца, обращает на себя внимание собрание принадлежащих ему разных старинных крестов, образов и книг, которые приобретены им на собственный счет в разных местах России во время поездок».⁵⁰

Установленные чиновниками факты общения заведующего древнехристианским музеем со старообрядцами Валдайского и Крестецкого уездов, нередко посещавшими его квартиру на Васильевском острове,⁵¹ и показания В. А. Прохорова на допросе не оставляют сомнений в том, что он получал через них древние иконы.⁵² Знакомство со старообрядцами он завел около 1861 г., путешествуя по России для сбора древностей. Сначала он познакомился со староверами московскими, затем новгородскими, псковскими, витебскими, могилевскими, симбирскими и др.⁵³ Цель знакомства была, по словам Прохорова, исключительно практическая, поскольку старообрядцы, будучи «любителями, знатоками и обладателями многих древностей (курсив наш. – Н. П.)» не только сообщали ему разные в этом отношении полезные указания и замечания, но и *уступали ему некоторые древности для музея*.⁵⁴ Некоторым из старообрядцев, приезжавшим к нему в Петербург с предметами старины,

⁴⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2086 («О прибывшем в Старую Руссу коллежском советнике Прохорове с ученою целию и о принятии им на себя ходатайства за раскольников. 27.06.1863–01.06.1865»).

⁴⁸ В донесении Особенной канцелярии МВД петербургскому военному генерал-губернатору содержатся интересные подробности, позволяющие говорить о тесных связях Прохорова со старообрядцами. Согласно донесению, 25 июня 1863 г. «старорусские раскольники» встречали Прохорова на пристани в числе 100 человек с тем, чтобы на тройке лошадей везти его в д. Сельцо Порожского приказа, где выстроена у них новая моленная (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2086. Л. 3).

⁴⁹ Там же. Л. 9, 10 об. и др.

⁵⁰ Там же. Л. 18.

⁵¹ Там же. Л. 24 и др.

⁵² Крестецкий уезд оставался местом сосредоточения древних икон вплоть до начала XX в. В данной связи напомним о знаменитых краснофонных иконах XIII в.: Спас на престоле (ныне собрание ГТГ) и Иоанн Лествичник, Георгий и Власий (ГРМ), связанных происхождением с г. Крестцы.

⁵³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2086. Л. 47–47 об.

⁵⁴ Там же. Л. 47.

Прохоров писал безвозмездно прошения: о возврате отнятых у них книг, икон и разных вещей, о распечатании их моленных, об освобождении посаженных «за религию» под арест и проч.⁵⁵

Пока сложно установить, какие именно из икон могли быть переданы В. А. Прохорову старообрядцами. В его собрании находились преимущественно иконы XV–XVI столетий. В их числе – превосходный новгородский образ XV в. «Избранные святые с Богородицею Знамение»,⁵⁶ резная икона «Чудо св. Георгия о змие», исполненная в XVI столетии неизвестным новгородским мастером,⁵⁷ восемь списков с иконы «Страшный суд»⁵⁸ и четыре – с иконы «Покров Богородицы» первой половины XVI в.,⁵⁹ 24 фрагмента-клейма того же времени от житийной иконы св. Георгия, принадлежавшие, как недавно было установлено, несохранившемуся образу из иконостаса Рождественского собора Антониева монастыря в Новгороде.⁶⁰ В то же время сюжеты некоторых из икон, оказавшихся у Прохорова, недвусмысленно указывают на их бытование преимущественно или исключительно в старообрядческой среде.⁶¹ Таковы образы преподобного Максима Грека,⁶² символический образ «Ты еси иерей во век по чину Мельхиседекову»,⁶³ икона святого мученика Вонифатия.⁶⁴

Источником сведений об иконах, находившихся в непосредственном богослужебном употреблении новгородских староверов, служат инвентарные книги музейных собраний, формировавшихся в середине – второй половине XIX в. за счет конфискации из закрытых по распоряжению

⁵⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2086. Л. 47 об. Следует отметить, что фигурирующие в деле старообрядцы, являлись подписчиками на журнал «Христианские древности и археология», который Прохоров выпускал. Согласно показанию священника Твердынского, «у многих раскольников объявление об издании Христианских древностей и археологии были прибиты в переднем углу, подле икон, в этом объявлении они видели печатное дозволение о распространении своей древней веры» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2086. Л. 61 об.).

⁵⁶ Описание русских древностей, составлявших собрание В. А. Прохорова. СПб., 1896. С. 34. № 706. Ныне ГРМ, инв. № ДРЖ-2061. Опубликовано: Новгородская икона XII–XVII веков / Авт. вст. статьи, комментарии и сост. В. К. Лаурина, В. А. Пушкарев. Л., 1983. С. 296. Ил. 79–80.

⁵⁷ Описание русских древностей, составлявших собрание В. А. Прохорова. С. 30. № 656. Ныне ГРМ, инв. № ДРД-175. См.: Плещанова И. И. Резные иконы Государственного Русского музея // ПКНО. Ежегодник 1976. М., 1977. С. 206–208. Ил. на с. 206; Плещанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. С. 200. Кат. 56. Ил. 47, 48 (фрагм.).

⁵⁸ Описание русских древностей, составлявших собрание В. А. Прохорова. С. 33. № 686–690, 695–697. Ныне ГРМ, инв. № ДРЖ-1131, 324, 325, 276, 1188, 272, 1130, 277.

⁵⁹ Там же. С. 33. № 691–694. Ныне ГРМ, ДРЖ-326–329. В Описи собрания В. А. Прохорова все иконы отнесены к композиции «Страшный суд».

⁶⁰ Шалина И. А. Житийные клейма иконы святого Георгия из собрания ГРМ и живопись Новгорода второй четверти XVI века // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина 3–4 декабря 2007 года. СПб.; М., 2007. С. 125.

⁶¹ Иконы таких сюжетов изымались при закрытии старообрядческих моленных.

⁶² Описание русских древностей, составлявших собрание В. А. Прохорова. С. 36. № 749. Ныне ГРМ, инв. № ДРЖ Б-68.

⁶³ Там же. С. 34–35. № 708. Ныне ГРМ, инв. № ДРЖ-2052.

⁶⁴ Там же. С. 34. № 707. Икона была выдана из ГРМ в Музей Метехи.

Ил. 1. Икона «Избранные святые с Богородицею Знамение». Вторая половина XV в. Новгород. Из собрания В. А. Прохорова. ГРМ.

Ил. 2. Резная икона «Чудо святого Георгия о змие». Первая половина XVI в.
Новгород. Из собрания В. А. Прохорова. ГРМ

Ил. 3. Богоматерь на троне. Фрагмент иконы «Страшный суд». Первая половина XVI в. Из собрания В. А. Прохорова. ГРМ

Ил. 4. Печать новгородской Духовной консистории на тыльной стороне доски створки складня «Двенадцатые праздники». Из старообрядческой молельной в Новгороде. ГИМ

Ил. 5. Прорись с иконы «Единородный сыне».
Из старообрядческой моленной в Новгороде. ГРМ

правительства моленных и скитов. Известно, что при конфискации отдельные иконы клеймились сургучными печатями. Именно оттиски с надписями «Новгородская духовная консистория» на тыльных сторонах иконных досок позволяют ныне связать происхождение икон с Новгородской губернией. Приведем некоторые примеры.

В 1869 г. по инициативе архимандрита московского Данилова монастыря Амфилохия при Обществе любителей духовного просвещения был организован Отдел иконоведения. Он преследовал цели «избрать образцы для иконописания, согласно с учением Православной церкви, и по сим образцам составить руководство для иконописцев», и помещался в кремлевском Чудовом монастыре.⁶⁵ В 1871 г. по просьбе митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова) и протопресвитера о. Иоанна Рождественского из хранилища Синода для Отдела иконоведения были выделены 123 старообрядческие иконы.⁶⁶ По стечению обстоятельств Отдел просуществовал недолго. Уже к 1873 г. он свернул свою деятельность, и принадлежавшие ему иконы оказались «бесхозными». В 1879 г. часть из них отобрал для Церковно-археологического музея при Петербургской духовной академии его заведующий, профессор Н. В. Покровский, часть продолжала храниться в Даниловом монастыре и впоследствии была положена в основу воссозданного Общества в 1900 г. в здании епархиальной библиотеки Церковно-археологического музея.

Две иконы, принадлежавшие прежде Отделу иконоведения, сохранились до наших дней. Установить их связь с новгородскими староверами как раз и позволили сургучные печати Новгородской духовной консистории. Ныне они хранятся в собраниях Государственного исторического музея в Москве и Государственного Русского музея в Петербурге. Это складень «Дванадцатые праздники» и образ «Единородный сыне» первой половины XIX в., точное происхождение которых еще предстоит установить.⁶⁷

⁶⁵ Об Отделе иконоведения см.: *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. С. 189; *Козлов В. Ф.* Главное церковное общество Москвы: Общество любителей духовного просвещения и памятники церковной старины. (1863–1918) // Москва в начале XX века. Будни и праздники. Московская старина. Новорусский стиль / Авт.-сост. А. С. Федотов. М., 1997. С. 137; *Ливоварова Н. В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии. Судьба коллекций // Судьбы музейных коллекций: Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 71. Примеч. 9 на с. 74–75.

⁶⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 41 (II отд., 3 ст.). Д. 15 («По отношению Высокопреосвященного митрополита Московского Иннокентия касательно предоставления хранящихся в Архиве Св. Синода древних икон Обществу любителей духовного просвещения в Москве»).

⁶⁷ ГИМ 85791 И VIII 4277 (см. фотографию тыльной стороны складня в издании: Тайна старой веры. К 100-летию именного Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. Выставка 12 мая – 13 июня 2005 г. М., 2005. С. 4); ГРМ ДРЖ-2333. Прорись с иконы опубликована: *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной Академии. 1879–1909. СПб., 1909. С. 102–104. Табл. 17.